

Д.А. Ф у н к

МОЛОЧНО-БЕЛЫЕ КОНИ В СКАЗАНИЯХ ТАЁЖНЫХ ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И СОБИРАТЕЛЕЙ

*Молоком ребенка не корми,
Молоко для таежного человека пища разве?
(Шорская мудрость)*

Из того множества загадок, которые дарят культуры народов Сибири своим исследователям, одна из наиболее интересных, на мой взгляд, загадка героического эпоса: как таежные охотники, рыболовы и собиратели дикоросов – какими практически до начала XX в. были многие этнические группы тюрков Саяно-Алтая – получили (или смогли создать?) свой прекрасный героический эпос о степных воителях, которые живут в золотых дворцах, владеют множеством подданного народа и разводят несметные табуны скота? Загадка, или точнее проблема, настолько сложна, что исследователи-эпосоведы как правило просто обходят ее стороной¹.

Наряду с тщательно разработанной системой названий домашних животных, прежде всего коней, по полу и возрасту, способы обозначения масти коней наиболее ярко проявляют то особое значение, каковое имело это животное в скотоводческих культурах народов Саяно-Алтая. В этой заметке я хочу обратить внимание на то, как в шорском героическом эпосе используются термины для обозначения масти коней. Какие именно термины используют шорские сказители? Что в их понимании эти термины означают? И, наконец, насколько эта детально разработанная терминология может считаться неременным атрибутом культур таежных охотников, рыболовов и собирателей?

Отраслевая цветотерминология в культурах тюрко-монгольского мира неоднократно анализировались как лингвистами, так и этнографами-тюркологами. В этнографических работах², как правило, обращается внимание на обилие специальных терминов, связанных с конем, в основном в культуре скотоводов-кочевников, или же для демонстрации «кочевнических, скотоводческих» черт в каких-либо культурах, ко времени первых этнографических наблюдений уже не вписывавшихся в традиционные представления о кочевом образе жизни. Последнее обычно объясняется влиянием скотоводческих народов, «пограничным» положением (тайга–степь) и этническими контактами³. Но картина оказывается более сложной, во всяком случае, не объяснимой лишь непосредственными контактами представителей разных культур в недавнем прошлом.

Среди работ лингвистов, в которых цветовые обозначения в языках тюркских народов рассматриваются на широком сравнительном, как этнографическом, так и лингвистическом материале, с особым упором на анализе роли коня в культуре и специфики обозначения его масти, я бы выделил относительно недавнюю статью Герхарда Дёрфера⁴. Как верно отметил этот исследователь, у тюрков и монголов существует некая иерархия миропорядка, в которой конь идет сразу вслед за человеком⁵. Дёрфер выявил 39 тюркских терминов для обозначения цвета, 35 из которых, по его данным, могли применяться по отношению к масти коня. Весь лингвистический материал был им объединен в три группы: «общие цветовые обозначения» (15 терминов), «кони и другие животные» (12), «специальные цвета коней» (10); для каждого термина были предложены (при наличии) древнетюркские, анатолийские (турецкие), монгольские, маньчжурские, арабские параллели. Эта работа оказалась чрезвычайно полезной на стадии обработки полученных мною материалов.

Из ранних лингвистических работ, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому нами вопросу, важны также статьи А.М. Щербака и И. Циртаутас⁶. Небольшая заметка последней напрямую касалась излюбленных цветовых обозначений масти коней у тюркских народов. Из наиболее свежих отечественных публикаций я бы выделил лексикографическую работу Н.А. Яимовой о названиях лошади в алтайском языке, в которой автор классифицировала весь собранный ею материал, объединив его в такие тематические группы как наименования по возрасту, физиологическим свойствам, по особенностям хода, поступи, бега, по физической силе. Подробно в этой статье был представлен и материал о названиях по масти; при классификации были выделены наименования по «однородной» и «неоднородной масти», форме и рисунку пятен, цвету какой-либо части тела, по оттенкам и интенсивности окраса⁷.

В данной работе материалом для анализа послужили, прежде всего, собственно шорские эпические сказания. Помимо примерно двадцати опубликованных текстов⁸, были проанализированы все доступные записи сказаний из фонда Н.П. Дыренковой в Кунсткамере и фонда С.С. Торбокова в Хакасском НИИ языка, литературы и истории, т.е. еще около 50 текстов, а также почти два десятка эпических сказаний, записанных мною у шорцев в 1983–2002 гг. Эти данные дополняются комментариями, полученными от шорских сказителей. В указанные годы мне посчастливилось общаться с пятнадцатью прекрасными исполнителями эпоса⁹.

Для получения сравнимых материалов просматривались также тексты богатырских сказаний других этнических групп региона.

Кроме этого, были использованы собственные полевые этнографические материалы, собранные у различных групп аборигенного тюркского населения Саяно-Алтая, в первую очередь у телеутов, с тем, чтобы еще более расширить контекст изначально полученных данных из шорского эпоса. Основную часть собственно этнографических сведений мне удалось получить от телеута Василия Михайловича Шабина (1910 г.р., *сёёк*-род Очу, д. Телеуты), с которым мы целенаправленно и долго обсуждали все нюансы оттенков масти коней в телеутском языке. Выявленная лексика в дальнейшем была сверена с материалами «Словаря» В. Вербицкого¹⁰ и дополнена данными из телеутских фольклорных текстов, в основном также записанных мною в 1980-х – первой половине 1990-х годов.

При сборе собственно этнографических материалов удалось выяснить, что в телеутском языке существует множество специальных терминов для обозначения масти лошади, во всяком случае, более двух десятков. Но, что характерно, все они, за минимумом исключений, оказались «простыми», не осложненными дополнительными определениями или характеристиками. В телеутском языке известны такие масти как: *ак* (белая), *пос* (пепельно-беловатая), *пор* (серая), *кара* (вороная), *т'еерен* (рыжая), *кер*, *торо* (гнедая), *сар(ыг)* (соловая), *күрен*, (саврасая), *сур* (буланая), *кула*, *калтар* (мухортая), *чолдар* (игренивая), *чоокыр* (чубарая), *ала-шакка* (пестро-чубарая), *ала* (пегая), *длө* (красно-пестрая), *кёк* (сивая), *чал*, *кыр* (чалая), *коңыр* (?) (каурая).

Сравнительных шорских – собственно этнографических – материалов мне обнаружить практически не удалось. Различного рода терминов, относящихся к коню, в шорском языке было выявлено довольно много: *айдас ат* (выносливая лошадь), *алдырткан ат* (мерин), *чортушчу ат* (рысак, рысистый конь), *кадыг чортуштуг ат* (лошадь, тряская на рысях), *чүгүрүкчи ат* (скакун, бегун, скаковая лошадь), *ат чүгүдү* (конные бега), *ат чарыжы* (конные бега), *кадыг аастыг ат* (норовистая лошадь), *нишке ат* (лошадь в легкой упряжке), *аар тарчан ат* (тяжеловоз, ломовая лошадь)¹¹. Что касается обозначения масти коней, то память моих информаторов сохранила их в гораздо меньшей степени. Во всяком случае, даже старики не могли припомнить более десятка таких терминов. В имеющихся же словарях их число сведено до минимума. Например, даже в наиболее полное из опубликованных на сегодняшний день шорско-русском словаре Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькина

значится лишь один такой термин – *күрең*, однако среди его значений по отношению к масти коня указаны только «багровый» и «бурый»¹². В дополнениях к этому словарю мною специально оговаривалось, что «приведенные в словаре значения "багровый, бурый" с пометкой "(о масти лошади)" точны лишь по смыслу и лишь применительно к употребительной в данное время лексике»¹³, и что сам термин должен переводиться как «саврасый». Мне удалось также ознакомиться¹⁴ с готовящейся к изданию в Германии чрезвычайно интересной статьей лингвистов А.В. Есиповой и Л.Н. Арбачаковой об устаревшей лексике, встречающейся в шорском эпосе. Авторы предполагают опубликовать среди прочего материал и термины для обозначения масти коней (девять терминов применительно к семи мастям), записанные от одного из современных сказителей¹⁵.

Предваряя демонстрацию собранных материалов, можно заранее отметить, что, в отличие от сведений, полученных от информаторов, данные, извлеченные из эпических сказаний, свидетельствуют, что для обозначения масти коня сплошь и рядом употребляются сложные термины. Это характерно не только для шорского эпоса, но и для эпических сказаний всех тюрков Саяно-Алтая.

В основном весь материал был сознательно ограничен культурами двух этнических общностей – бачатских телеутов и шорцев. Это представлялось оправданным, поскольку сейчас ни телеуты, ни шорцы не являются скотоводами-коневодами. Первые, ассимилировав в своей среде несколько аборигенных групп, близких по культуре к шорцам, и перейдя к стойловому содержанию скота русского крестьянского типа, практически полностью утратили культуру своих предков-скотоводов XVII–XVIII вв. Вторые же, будучи знакомы со стойловым содержанием скота, держали его в очень небольших количествах (в начале XX в. более 20% всех шорских хозяйств вообще не имели лошадей и коров) и, судя по источникам XVII–XIX вв., переняли эти навыки в исторически обозримое время от русских переселенцев¹⁶.

Таблица

Термины для обозначения масти коней у телеутов и шорцев
и их древне-тюркские и монгольские варианты

Масти коней и их оттенки	Бачатские телеуты (по материалам автора)	Шорцы (по данным эпоса)	Варианты в древне-тюркском (далее – др. т.) и монгольском (далее – монг.) языках ¹⁷
1. Белая	ак ат сүт ак ат	ак ат	āk (др. т.)
2. Пепельно-беловатая	ак пос'ат кара пос'ат	кара пос'ат пора ат	боз (др. т.)
3. Серая	кара пор'ат	ак/кара/көк пор'ат	бора (монг.)
4. Вороная ¹⁸	кара ат ай кара ат ай кара каранг'ат	кар'ат ай кар'ат	кара (др. т., монг.)
5. Сивая	көк ат		көк (др. т.), көке (монг.)
6. Чалая ¹⁹	чал ат		чал (др. т.)
6а. Чалая	кыр ат	кыр ат, кыр кулун ат, ак кыр(а) ат (акыр'ат)	кыр (др. т.)
7. Чубарая ²⁰	чоокыр ак чоокыр	шоокыр ат	чаокыр (др. т.), чакир (монг.)
7а. Пестро-чубарая ²¹	ала шакка		
8. Соловая ²²	сарыг сар'ат	сар'ат ак/кара/сарыг сар'ат октемен сар'ат	сарыг (др. т.), сира (монг.)
8а. Соловая	ак уй ат	ак ой ат сүттең арыг ак ой ат ак кой ат	ой (др.т.)

Масти коней и их оттенки	Бачатские телеуты (по материалам автора)	Шорцы (по данным эпоса)	Варианты в древне-тюркском (далее – др. т.) и монгольском (далее – монг.) языках ¹⁷
9. Буланая ²³	сур ат ак сур ат	сур'ат (голубой) улуг-кичиг ак сарат ²⁴	сур (монг. ?)
10. Рыжая	т'еерен/т'ерин кан т'ерин теңере перген темичи т'еерен (эпич.)	кызыл черген ат кан чегрен ат	йегрен (др. т.) < йегерен (монг.)
10а. Рыжая		кан позрат (позурак ²⁵)	
11. Каурая ²⁶	коңгыр (?)	кор'ат кызыл кор'ат кыр кор'ат шамдар ат ак шамдар ат	чабидар (монг.)
12. Игренавая ²⁷	чолдар	кер'ат	
13. Гнедая ²⁸	кер'ат ²⁹ торо	кара кер'ат кара тор'ат кан тор ай лей торуг ат	торуг (др.т.)
14. Мухортая	кула ат (по Вербицкому ³⁰ «саврасая» ³¹)		
14а. Мухортая ³²	калтар	калтар ат ак калтар ат	калтар (монг.)
15. Саврасая ³³	кара калтар күрең	күрең	күренг (монг.)
15а. Саврасая	коңгыр (по Вербицкому ³⁴ «коурая»), эпич.: ак/кара/кызыл коңгыр	кул'ат ала/кара кул'ат	
16. Пегая	ала ат	ак ала ат сарыг ала ат	āла (др.т.), алаг (монг.)
17. Красно-пестрая	өлө ат ³⁵		

Реально картина, рисуемая в эпических текстах, еще более сложна, чем это показано в таблице³⁶. Так, например, чубарые кони порой имеют такую характеристику, как: *ұлген берген ұлбұс чоокыр* (божеством Ульгеном данный *ұлбұс*³⁷, чубарый конь) или *пайана берген бай чоокыр* (духом Пайана данный священный чубарый конь) – в телеутском эпосе или же *ұлген перген шоқыр ат* (божеством Ульгеном данный чубарый конь) – в шорском эпосе.

Даже в случае, если мы имеем дело с таким относительно однородным окрасом, как, например, 'лунно-карий' (*ай кар'ат*), эпитеты могут быть порой самыми неожиданными. Так, в сказании «Алтын Эргек» (вариант С.С. Торбокова) богатырь Ай Кара Кан ездит на златогривом лунно-карем коне с золотой / золотистой шерстью (*алтын чаллыг алтын тўктўг ай кар'ат*). Несмотря на то, что обозначение «саврасый» уже само по себе включает указание на гриву черного цвета, в эпосе можно встретить и такую тавтологию как *кара чаллыг кара кул'ат*³⁸ (с черной гривой черно-саврасый конь).

Иногда дополнительно может отмечаться цвет ног коня: 'белоногий бело-игрений' (*ак пилектиг ак шамдарат*)³⁹, цвет его морды: 'с белой мордой светло-мухортый конь' (*ак аастыг ак калтар ат*)⁴⁰.

Весьма необычным оказалось наименование масти коня – *ак кой ат*. Оно часто встречается в сказаниях современного шорского сказителя В.Е. Таннагашева. По его словам, обычно на таком коне «ездят Ак-Кан или Алтын-Кан, ак кой ат всегда у

них»; переводиться это наименование должно, по мнению исполнителя, как «овечье-белая» или «бело-овечья»⁴¹.

Как показывает анализ эпических текстов, с древнетюркским термином *ой* на Саяно-Алтае всегда связана масса проблем. Однако забвение значения термина *ой*, как и «превращение» соловой масти в «овечью» (*кой*) не есть лишь результат современных трансформаций. Еще в 1865 г. В.В. Радлов писал о предках шорцев: «...татары не могли мне сказать, что есть *ак ой ат* и говорили: *andyg nybak aidur tshadur / так говорит сказка / по kischi biler / кто может это знать/»*⁴². Встречается *кой* в качестве обозначения масти коней и в записях А.В. Адрианова (1881 г., таежные районы в самых верховьях р. Мрас). В сказании «Алтын кан» на коне такой масти ездит сын Алтын-Кока Алтын-Ульбек, а в сказании «Алтын-Тона» – братья Алтын-Тона и Кан-Тона⁴³. Вариант же *сүттең, арыг ак ой ат*, выявленный в сказании С.С. Торбокова «Алтын-Куш», самим сказителем переводился как 'белее молока бело яблочный конь', что также довольно далеко от подлинного значения слова *ой*.

Этот же термин – в форме *ак уй ат* (букв. «белая корова-конь») – обнаружен и в записях К.И. Максимова, сделанных то ли от телеутского, то ли от шорского кайчы Камзычакова в Степном Алтае. Конь *алтын түктү ак уй ат*, наряду с всадником, богатырем Алтын-Эргеком – главные персонажи сказания «Алтын түктү ак уй атту Алтын Эргек»⁴⁴. Знаком данный термин – уже в классическом варианте *ак ой ат* – и челканцам, хотя у них он переводится как «ярко-рыжий» (*агой*) или «ярко-золотистой масти» (*алтын агой*)⁴⁵. В хакасском языке термин *ой* со значением «буланый» был отмечен В.Я. Бутанаевым, который привел также «названия разновидностей буланой масти» – *хара ой, ах ой, көк ой, хызыл ой*⁴⁶. Трудно сейчас выяснить причину, по которой в хакасском языке этим словом стали обозначать коней буланой масти: разница между «соловыми» и «булаными» конями, действительно, невелика и заключается главным образом лишь в окрасе гривы и хвоста – у последних они более темные.

Приведенные в таблице материалы свидетельствуют о наличии и в шорском и в телеутском языках множества вариантов обозначения масти коней. Мне, правда, не удалось обнаружить столь же большого числа специальных терминов, какое было зафиксировано в различных тюркских языках Г. Дёрфером. В разбираемом нами случае их оказалось не 35, а «всего» 20 (в шорском эпосе) и 23 (у телеутов, включая данные из эпических сказаний). Однако при учете множества цветовых оттенков (цвет, как известно, характеризуется не только цветовым тоном / оттенком, но и насыщенностью / интенсивностью и яркостью), передаваемых через общие термины для обозначения цвета типа 'светлый' *ак*, 'белый как молоко' *сүт*, 'темный' *кара*, 'красный' *кан* и т.п., их число увеличивается по крайней мере до 60.

Очевидно также, что в эпосе таежных шорцев используется практически столько же специальных терминов, сколько их знают бачатские телеуты, значительная часть которых являются потомками степных скотоводов-кочевников. Разумеется, эта терминология не во всем совпадает; существуют некоторые различия в использовании и трактовке терминов; есть слова, используемые телеутами и не встречающиеся в шорском эпосе, так же как и наоборот.

Оказалось, что практически все термины, за исключением семи слов (тел. и шор. *кер, кул(а)* и *тора* (впрочем, последний, возможно, восходит к др.-тюркск. *торуг*), тел. *ала шапка* и *длө*, шор. *поз(ы)р* и *кор*) известны в тюркском мире на протяжении последних полутора тысяч лет (они зафиксированы уже в языке древних тюрков) или же имеют аналоги в монгольском языке.

Собранные материалы хорошо показывают, что коневодческая терминология (а она не ограничивается названиями мастей коней) в эпических сказаниях шорцев общетюркская, причем зачастую она восходит к древнетюркскому времени. Разумеется, попав в эпический текст, термины эти стали жить по законам жанра, со временем изменились их значения (отсюда примеры тавтологии), смысл некоторых из них и вовсе был забыт. На это впервые в середине XIX в. обратил внимание В.В. Радлов.

Очевидно, что пытаться анализировать сохранившуюся в шорском эпосе чрезвычайно развитую терминологию, связанную с коневодством и скотоводством, можно и нужно, лишь принимая в расчет одно обстоятельство: многие реалии из области социальной жизни и культуры, образы, сами эпические коллизии, язык эпических сказаний старше времени их записи, по крайней мере, на тысячу лет. В случае с шорским героическим эпосом, по-видимому, следует говорить о консервации отдельных архаических черт культуры, в том числе и лексики, в текстах сказаний населения, волею судьбы оказавшегося в горно-таежных районах этого региона.

Такое – достаточно общее – объяснение, думается, будет вполне справедливо не только в отношении шорского эпоса, но и эпоса таежных челканцев и других близких им по уровню социально-экономического развития и культурному облику – на период XVII – начала XX вв. – этнических групп Саяно-Алтайского региона. Впрочем, любые попытки объяснений не снимают пока множества связанных с этим феноменом вопросов. В случае с героическим эпосом мне представляется удивительным даже не столько то, что таежные охотники, рыболовы и собиратели сохранили эти древние сказания, сколько то, что до самого недавнего времени практически вся лексика, ныне считающаяся архаической и забытой, оставалась полной смысла как для самих сказителей, так и, вероятно, для их слушателей.

Примечания

Я искренне признателен И.А. Невской (Франкфурт-на-Майне) и Л.В. Самариной (Москва), просмотревшим статью в рукописи, за ряд ценных замечаний и предложений.

¹ См., например, сб. ст.: *Чудояков А.И.* Этюды шорского эпоса. Кемерово, 1995, а также последнюю крупную публикацию шорского эпоса, подготовленную А.И. Чудояковым: Шорские героические сказания. М.; Новосибирск, 1998.

² Из работ по этнографии народов Саяно-Алтая, в которых особо оговаривается разработанность терминологии в области коневодства и, в частности, при определении масти коней, можно назвать, например, следующие: о тувинцах – *Потапов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. Л., 1969; о хакасах – *Бутанаев В.Я.* Традиционные способы ведения скотоводства у хакасов // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 69; о сибирских татарах – *Валеев Ф.Т.* Номенклатура домашних животных у тарских татар (по данным полевых наблюдений) // Этногенез и этническая история тюркских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 25–30; о кумандинцах – *Сатлаев Ф.А.* К вопросу происхождения северных алтайцев (кумандинцев) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (тез. докладов, вып. 4 «Этнография»). Омск, 1984. С. 27; о телеутах см.: *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование // Материалы к сер. «Народы и культуры». Вып. XVII. – Телеуты. Кн. 2. М., 1993. С. 266–267; о челканцах – *Он же.* Из материалов этнографической поездки к челканцам в августе 1990 г. // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 2. М., 1996. С. 242–265. Подробно с основными направлениями в изучении темы «культура и цвет» можно познакомиться по обзору: *Самарина Л.В.* Традиционная этническая культура и цвет (Основные направления и проблемы зарубежных исследований) // ЭО. 1992. № 2. С. 147–156.

³ Это хорошо видно по способам объяснения «скотоводческих» элементов, сохранившихся в культурах различных этнических групп горно-таежного населения Саяно-Алтая, предлагаемым в работах известного алтаеведа Л.П. Потапова. См., напр.: *Потапов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.

⁴ *Doerfer G.* Türkische Farbbezeichnungen und Pferdezucht // Central Asiatic Journal (далее – CAJ). Vol. 39. 1995. S. 208–227.

⁵ *Ibid.* S. 214.

⁶ *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 82–172; *Cirtautas I.* Die Lieblingspferdefarben der Türken // CAJ. Vol. 10. 1965. S. 157–160. См. также: *Laude-Cirtautas I.* Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türkdialecten. Wiesbaden, 1961.

⁷ *Яимова Н.А.* Наименования лошади в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 225–229. В разделе «наименования по масти» автор привела около 50 алтайских терминов.

⁸ Всего известно 30 опубликованных текстов, однако сказания, изданные лишь в переводе на русский язык без шорского оригинала (три изданы Г.Н. Потаниным и шесть – А.И. Смердовым), мною использовались лишь в тех случаях, когда термин для обозначения масти богатырского коня был передан по-шорски.

⁹ Исполнители эпоса: Т.С. Камзычаков, А.А. Шелбогашев, П.В. Торбокова (все трое – д. Тайлеп), А.В. Рыжкин (станция Улус), М.К. Кауцаков (г. Междуреченск), Д.Н. Чудоимов, В.Е. Таннагашев (оба – г. Мыски), М.Е. Токмагашева (п. Казас), К.Н. Бекренев, А.П. Напазаков (оба – д. Чувашка), П.А. Мижак (д. Чузас), В.М. Карачаков (д. Тоз), В.А. Кискоров (пгт. Шерегеш), А.Н. Топаков (д. Парушка), В.С. Ачелов (д. Мрас-су).

¹⁰ Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. протоиерей В. Вербицкий. Казань, 1884.

¹¹ Функ Д.А. Заметки на полях шорско-русского словаря // Народы Российского Севера и Сибири (Сибирский этнографический сборник. Вып. 9). М., 1999. С. 144, 145.

¹² Курпейко-Таннагашева Н.Н., Анонькин Ф.Я. Шор-казак пазок казак-шор үргедиг сөстүк: Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993.

¹³ Функ Д.А. Заметки на полях шорско-русского словаря. С. 152.

¹⁴ Я искренне благодарен А.В. Есиповой за представленную возможность ознакомиться с этим текстом.

¹⁵ Есипова А.В., Арбачакова Л.Н. Устаревшая лексика в шорских героических сказаниях. Статья намечена к изданию в сб.: Turkic minority languages in South Siberia, China and Mongolia; Turcologica. Из приведенных в этой статье девяти терминов, три в известных мне источниках не встречаются. Это: 1) *кыбак кор* в значении «саврасо-рыжий» (я посчитал возможным не включать его в свою сводную таблицу, поскольку этот термин является лишь вариантом основного термина *кор*, к тому же, он лишен особого смысла, так как «саврасый» и без того означает «красновато-рыжий, но не темного окраса». 2) *озар* «саврасый» (здесь, на мой взгляд, явная неточность; речь должна идти об известном термине *позрат* / *позырак*), и 3) *турстуг* в значении «гнедой» (что также показало мне требующим уточнения).

¹⁶ Подробнее см.: Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово, 1989. С. 93–94.

¹⁷ Приводится на основе данных из работы: Doerfer G. Op. cit. S. 222.

¹⁸ Черная.

¹⁹ Чалый – обычно серый с вкрапленными белыми волосами; также – светлый с черной гривой и хвостом, или черный со светлой гривой и хвостом.

²⁰ Чубарый – с темными пятнами по светлой шерсти, либо просто с пятнами шерсти другого цвета.

²¹ С большим количеством пятен на шерсти.

²² Соловый – желтоватый, со светлыми гривой и хвостом.

²³ Буланый – светло-рыжий, с черными гривой и хвостом.

²⁴ Кони соловой (*сар*) масти упоминаются в нескольких эпических текстах. Неточное словоупотребление было выявлено мною в сказании «Алтын-Тайчи» у В.Е. Таннагашева; сам сказитель переводит этот термин как «бело-буланые» (записи 23.07.2002 г.), исходя из значения слова *сур*.

²⁵ Второй вариант – *кан позурак ат* встретился мне в сказании «Чаш-Салгын» в самозаписи С.С. Торбокова (сказание было переято от мрасского сказителя П.И. Кыдыякова) (см.: Торбоков С.С. Чаш Салгын // Архив Хакасского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ф. 571. Т. 59. Л. 19).

В хакасском языке отмечено пять разновидностей рыжей масти коня: *хызыл* / *күрен* / *сабдар* / *хан* / *хасха* *позырах* (см.: Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. С. 91). Совпадение с шорским в данном случае одно: *кан позрат* / *кан позурак ат* (шор.) – *хан поэраха ат* (хак.).

²⁶ Каурый – светло-каштановый, рыжеватый.

²⁷ Игреньевый – рыжий со светлой, белой гривой и светлым хвостом.

²⁸ Гнедой – красновато-рыжий, с хвостом и гривой черного цвета.

²⁹ В связи с тем, что значения слова *кер* в обоих языках совпадают, представляется, что информация, приводимая для алтайского языка Н.А. Яимовой: «*кер ат* – карий, караковый конь» (см.: Яимова Н.А. Указ. соч. С. 226), требует уточнения.

³⁰ Словарь алтайского и аладагского наречий... С. 149.

³¹ Это же значение дается Н.А. Яимовой для алтайского языка. См.: Яимова Н.А. Указ. соч. С. 226.

³² Мухортый – гнедой с желтоватыми подпалинами.

³³ Саврасый – светло-гнедой с хвостом и гривой черного цвета.

³⁴ Словарь алтайского и аладагского наречий... С. 142.

³⁵ В алтайском языке зафиксировано значение «пегий», так же как и применительно к слову *ала*, без каких-либо различий в оттенках (см.: Ойротско-русский словарь, с. 16, 119).

³⁶ Функ Д.А. Бачатские телеуты ... С. 266–267.

³⁷ *Үлбүс* – так в оригинале. Возможно, это неточно воспроизведенное *олбес*, «бессмертный»?

³⁸ Сказание «Алтын Эргек» по версии С.С. Торбокова. На этом коне ездит отрицательный персонаж по имени Кара-Картыга.

³⁹ Сказание «Алтын Куш» по версии С.С. Торбокова. На этом коне ездит молоденький и еще очень лабый богатырь по имени Алтын Шаппа (в ориг. «*оглан чайтыг альп кижы Алтын-Шапа ак пилектиг ик шамдараттыг*»).

⁴⁰ Тот же текст; на этом коне ездил богатырь Ала-Картыга.

⁴¹ Устное сообщение В.Е. Таннагашева 23 июля 2002 г. Такое наименование масти коня встречается, (например, в сказании «Чабыс Чапан» (архив автора).

⁴² Radloff W. Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Fluß Abakan // Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russlands. Leipzig, 1865. S. 232.

⁴³ Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. IV. СПб., 1883. С. 560, 579.

⁴⁴ Алтай фольклор / Сост. Т.М. Садалова. Горно-Алтайск, 1995. С. 20–41.

⁴⁵ Алтайский фольклор / Сост. Е.П. Кандаракова. Горно-Алтайск, 1988. С. 15, 24.

⁴⁶ Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. С. 71.

D.A. Funk. Milk-White Horses in the Heroic Epos of the Taiga hunters, fishers, and Gatherers

One of the most interesting of the numerous riddles that Siberian native cultures present to its researchers is, according to the author, the way in which taiga hunters, fishers and wild plant gatherers have created their magnificent epos, describing warriors of the steppe, who lived in golden palaces, and owned great numbers of people and countless flocks of cattle.

On the basis of field data and analysis of dozens of epic narratives of the taiga Shor people the author describes the ways of horses' coats folk classifications. He finds that Shor language provides as much terms for horse coat color designation as such descendants of the steppe nomadic cattle herders as Teleuts of Bachat. Pondering upon the considerable contradictions between epic and ethnographic worldviews, the author highlights the importance of the Shor horse breeding and cattle raising terminology research, underlying a thousand years gap between the epic reality and the ethnographic period, when the epic narratives were fixed in writing.

© ЭО, 2003 г., № 3

В.И. Харитонова

БЕЗ ВЕРЫ И НАДЕЖДЫ...

(К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКИХ ПРАКТИК)

В приложении к местной газете «Кузбасс» (г. Кемерово, 31 октября 2001 г.), именуемом «Золотые купола», помещен материал, где в качестве заголовка значится: А.Г. Тулеев: «Без веры и надежды человек не может смотреть в будущее». Сразу за этим штампом следует редакционное резюме: «Разговоры о возрождении на юге Кузбасса шаманизма – не безобидные дискуссии, и потому сегодня особенно важно напомнить всем о христианстве и укрепить его позиции. И в этом направлении в Таштагольском благочинии за последние годы сделано и делается очень много».

Далее в статье (в духе еще незабытых рапортов брежневских времен о соцсоревновании и победах советского народа) излагается, как благочинные под непосредственным руководством главы кемеровской администрации А.Г. Тулеева соорудили 15-метровый крест и – «с божьей помощью», используя вертолет – доставили его на священную для южносибирских народов гору Мустаг (1650 м над уровнем моря). Памятный знак – «Крест – символ тысячелетия» водрузили и освятили на чужом святилище, что, как свидетельствует публикация О. Шукиной, потребовало от участников «изрядной доли мужества». И теперь этот православный символ возвышается на вершине Мустага – известной по эпическим памятникам родовой горы, от которой получали некогда бубны (посвящение) шаманы¹, где молились своим богам те, кого в царской России с достаточной долей презрения принято было именовать «инородцами».

Замечу, что участники мероприятия получили почетные грамоты от архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого, а некоторые были даже награждены «коллективом администрации Кемеровской области и Совета народных депутатов» областной